

СЕРГЕЙ НЕЧИПОРЕНКО

Одноглазый дракон Масамунэ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Сергей Михайлович Нечипоренко

Одноглазый дракон Масамунэ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995696

SelfPub; 2021

Аннотация

Илья Евгеньевич Пещерский – профессор, ученый, заведующий кафедрой, химик – отпраздновал юбилей, вышел из метро и, оказавшись в автозаке в следствие недоразумения, оказался в обезьяннике. С ним по соседству, на пару минут, сидел странный японец. Знакомство с ним он запомнит навсегда. Содержит нецензурную брань.

Сергей Нечипоренко

Одноглазый дракон Масамунэ

В ярких лучах февральского солнца сверкнуло лезвие, и меч Датэ Масамунэ со свистом рассек морозный воздух подножья горы Асахи. Самурай обвел грозным взглядом поверженные тела врагов, стряхнув с клинка горячие капли крови. Всего лишь минуту назад, здесь, в пыли отчаянной схватки, звенела сталь, рвались струны натянутых нервов и звучали свирепые крики. Но с последним ударом закончилось всё.

Стало оглушительно тихо, и только сердце в груди самурая продолжало биться с неистовой силой. А когда и его удары перестали вздывать могучую грудь, старый воин вложил в потёртые ножны меч и обратился к лазурному небу.

Жизнь, смерть и одиночество могли бы сейчас сложиться в прекрасное кокку. Но этого не случилось. И не потому, что Датэ Масамунэ не владел искусством сочинения красивых стихов, а из-за того, что на самом деле – это не сюзерен из провинции Ямагата – Датэ Масамунэ, а простой парень Илья из Балашихи, студент третьего курса Московского государственного университета.

Поэтому не рукоять сверкающего меча сжимал он в своей кисти, а держал обычную жестяную банку из-под «Кока-Ко-

лы», допив которую, взмахнул ею, да так, что не кровь, а последние капли газированного напитка нарисовали на потрескавшемся тротуаре длинную, похожую на тонкий разрез скальпеля, полоску.

– Лихо это у тебя! – услышал Илья восторженный, но смешанный с едкой иронией возглас за спиной. Он оглянулся и увидел трех инопланетян.

В их чёрных, тонированных скафандрах, похожих на большие сферические плафоны для люстры, отражался свет вечерних фонарей. С ног до головы их закрывали чернильно-серого цвета облегающие костюмы, увешанные всевозможными пластинами разной формы, которые, как латы у хоккеистов, рельефно дополняли и визуально усиливали их поджарые фигуры. Только вместо ключек они держали в руках увесистые дубинки.

– Употребляли что-нибудь? – сказал один, видимо главный, потому что говорил только он и явно выделяться ростом и весом на фоне остальных.

Илья открыл рот, чтобы ответить, но так и не успел ничего сказать. Ноги подкосились, локти завернулись назад, а лопатки сошлись на спине вплотную настолько, что весь он согнулся, скрючился, как цыпленок на вертеле и, оторвавшись от земли, полетел...

– Вы не имеете права! Немедленно отпустить! – запротестовал Илья. – Вы знаете, кто я? Вы знаете, кто я такой?

Однако, его истошные крики проигнорировали. И несо-

мый на справедливых руках правосудия, он со всего маху воткнулся в самую гущу полицейского автозака. Все произошло достаточно быстро. Единственное, что только и успел услышать Илья в свой адрес – это «чучело» и «заткнись». Себя он считал человеком не глупым, поэтому первое слово прошло в его ум, как вода сквозь мелкое сито. Однако, второе оказалось твёрже – оно, как рыжий силикатный кирпич, бескомпромиссно грубо так садануло по хрупким структурам его сознания, что тут же Илья перестал возмущаться, расслабился и повис. Но надо признаться, конечно, что в автозак, на самом деле, влетел не студент МГУ из Балашихи, а целый, что ни наесть, Илья Евгеньевич Пещерский – учёный, профессор и одновременно заведующий секретной лабораторией при Московском университете тонких химических технологий.

В кузове, кроме уважаемого профессора, оказалось ещё человек семь или восемь. Все теснились, галдели и синхронно прыгали на деревянных скамейках, когда фургон врезался в неровности по дороге в участок, коих на пути попадалось достаточно. Но Илья Евгеньевич не жаловался. Он привалился плечом к железному борту и, расслабившись, задремал. Профессор Пещерский был чертовски пьян.

Когда автомобиль остановился, всех выволокли на улицу, посчитали и завели друг за другом в серое, как лицо флегматика, здание полиции. Внутри, не далеко от окошка дежурного, располагался высокий и широкий прямоугольник, сва-

ренный из толстых стальных прутьев. Загнав задержанных туда, через некоторое время снова пришёл чёрный инопланетянин. Но уже без скафандра. Он посмотрел в большую тетрадь, нахмурил лицо и, рывкнув чью-то фамилию, вывел одного человека из клетки.

Заключённых осталось шестеро. Сидели тихо. Ждали. Минут через десять забрали ещё одного, потом ещё и так до тех пор, пока в кутузке не остался только Пещерский и одетый в грязный оранжевый жилет, железнодорожник, как подумал о нём профессор. На ногах у железнодорожника умирали кирзовые сапоги.

«Уводят и никто не возвращается. Странно. – Подумал пришедший в себя профессор. – Их там что ли отстреливают?»

Илья Евгеньевич отвел взгляд от обуви своего попутчика по несчастью и посмотрел внимательно на его азиатское лицо. Оно было чисто выбрито и выражало подчёркнутую невозмутимость. Сидел он словно статуя Будды, с выпрямленной спиной и, не моргая, смотрел в стену напротив, причём его правый глаз выглядел нормальным по сравнению с левым, веко которого, почти в половину нависало над белесой, словно затянутой плёнкой, роговицей. Похоже, что им он ничего не видел. Вдобавок к прочему, его обрамляла ещё овальная, лилово-розовая припухлость в виде свежего синяка. Пещерский понимающе кивнул и грустно улыбнулся бедному азиатцу.

– Кто это тебя так? – небрежно метнул он вопрос в сторону «Будды». Тот не ответил. – Ты узбек? – Тишина. – Таджикистан? – упорствовал заведующий секретной лабораторией при Московском университете тонких химических технологий. Человек в оранжевом жилете скосил единственный глаз на химика.

– Военная история доказывает, что в боевых действиях могут участвовать и калеки, – кратко ответил он. Лицо Пещерского вытянулось, а глаза часто заморгали от удивления. Пока он искал, что сказать, одноглазый продолжал:

– Однажды пятилетний мальчик со своим отцом отправился в старинный буддийский храм, чтобы посмотреть на изображение Ачалы – могущественного бога, защищающего всех живых существ от слепоты неверия. Божество выглядело очень свирепым: его лицо выражало крайний гнев, брови нахмурены, левый глаз прищурен, а нижние зубы-клыки кусали верхнюю губу; в правой руке оно держало сверкающий меч.

Монах, который сопровождал мальчика и его отца, объяснил, что несмотря на то, что Ачала внешне гневлив, в сердце он добр и спокоен. Ребёнок с этого момента полюбил грозного бога. А спустя короткое время, тренируясь в борьбе, он получил удар такой силы, что его левый глаз выпал из глазницы и повис. Чтобы противник не смог ухватить за глаз рукой, он взял меч и отсек его. – Азиат замолчал.

– Взял меч? – произнес Пещерский, выдержав длинную

паузу, – откуда у ребенка меч? Верится с трудом...

– Если ты слеп и не видишь солнца, это еще не означает, что его нет. Он был сыном самурая! А когда вырос, то сам стал самураем и, несмотря на утраченный глаз, смог прославиться. А потом его прозвали «одноглазый дракон»!

Илья Евгеньевич чуть не протрезвел от услышанного. Дело в том, что в детстве он очень любил все самурайское. Началось это с того, когда его родной дед, несмотря на железный занавес, начал часто ездить в командировки за границу, оттуда он привозил всякие забугорные гостинцы; например, бананы, жвачку «Лелик и Болик» или «Bubble gum». А как-то раз он вернулся из какой-то далекой страны и среди прочих сувениров прямо из дорожной сумки выскочили перед маленьким Илюшей удивительные пластмассовые фигурки – самые настоящие рыцари. Они носили рогатые шлемы и страшные маски, защитные латы и ещё – крепко сжимали в своих пластмассовых ручках длинные мечи и копья. С того момента и зажегся внутри у него интерес. Илья играл в самураев, рисовал самураев, копировал картинки из книжек, он запоем читал всё, что мог найти о них в библиотеке.

И это длилось довольно долго, почти до восьмого класса. А когда он окончил школу, и пришло время выбирать – куда идти дальше, Илья поступил в МГУ на химический факультет, потому что папа был химиком и работал там деканом. Юношеский интерес к

самураям пропал к тому времени почти уже окончательно-

но, но все же, нет-нет, да всплывут картинки из далекого прошлого. Прямо вот как сейчас.

Илья Евгеньевич сентиментально улыбнулся из-за нахлынувшей ностальгии и, машинально потянувшись во внутренний карман плаща, нащупал выпуклый прямоугольник.

– «Одноглазый дракон», говоришь? Интересно, – сказал Пещерский и достал увесистую плитку шоколада, завернутую в пеструю упаковку. На ней золотыми буквами блестела надпись: «Поздравляем с юбилеем дорогого учителя!». – О, смотри, что у меня тут есть! – Обрадовался, как ребенок профессор. – У меня же праздник сегодня – тридцать лет на любимой работе, мать её! Во! Подарок от учеников! Хотя какие там ученики? Двоечники. За ними глаз да глаз, но это тссс, – он прижал указательный палец к губам, изобразив серьезность только что сказанной информации. Затем развернул шоколад и отломил половину. Протянул её своему почти приятелю и добавил:

– Держи. Пить нечего! Кусни – за меня!

Тот взял половинку плитки, повертел ее, словно изучая на химический состав и, кивнув профессору, кусать пока не стал.

– Вот ты интересно рассказываешь, – не унимался заведующий тонких химических технологий, – а откуда ты знаешь всё это – про мальчика, про дракона? Увлекаешься? – Он хитро прищурил глаз.

– Я не увлекаюсь, – спокойно ответил одноглазый, – я сам самурай! Я сам из поколения... Профессор не дослушал. Он повалился назад и, запрокинув голову, засмеялся:

– Ну, ты даешь! Ну, ты сказочник! А я уши развесил... Ха-ха-ха!

– Масаму! Мас-самунэ, бл! – слышалось в коридоре. Азиат в оранжевом жилете встал. Химик, как начал, так же мгновенно и перестал хохотать, уставившись на него, как на пластмассовую фигурку из своего глубокого детства. К клетке по коридору шёл полицейский, – Так, садись пока! – приблизившись, скомандовал он – А вы Пещерский Игорь Евгеньевич, правильно? – Тот кивнул. – Хорошо. Выходите, вас начальник отдела ждет!

Профессор поднялся и, озираясь на «пластмассового» самурая, вышел из клетки. Масамунэ мягко улыбнулся, кивнул озадаченному химику и тут же надкусил плитку шоколада. Весь путь, пока Пещерский шёл по узкому зелёному коридору, минуя доску почёта, ряд стульев и лестницу на второй этаж, в его голове роились и искали выхода вопросы. В кабинете начальника СКМ они уже гудели, как стая диких пчел.

– Илья Евгеньевич, извините, – начал общение плотный, с короткой бандитский стрижкой майор. В его рыбьих глазах и в тихом голосе практически отсутствовали эмоции, – мне только что позвонили из Администрации. Извините ещё раз, сразу не разобрались. Но и вы тоже поймите патрульных. На лбу у вас не написано – кто вы такой. Но даже и если... Вы

тоже... Сдать на тротуар возле метро... Сами понимаете, это не хорошо.

Профессору стало стыдно. Он вспомнил студенческие годы, пустые карманы, пиво, когда проще было найти кустик, чем платить за туалет.

– Прошу прощения, – краснея, произнес Пещерский, – Я сам не знаю, как так вышло. Такое со мной впервые. Понимаете, у меня юбилей и, наверное, не рассчитал, а тут в метро пока ехал. Сил терпеть не осталось... А это так мешает думать.

Майор смотрел на него из-под лобья, как бык на кусок кумача.

– Ладно, забыли, – выдавил он из себя слова, – за вами сейчас приедут. Но пока, если не против, можно вопрос?

– Конечно, – кивнул профессор.

– Скажите, мне тут объяснили, что к чему. По телефону. Я понятливый. Но если на чистоту, неужели действительно можно вот так просто взять и разогнать облака, вызвать ветер, или установить штиль в океане? – Майор смотрел не моргая, от чего его глаза заблестели.

– О чём вы? – смутился учёный, – климат – не мой профиль. Нет, мы, пробуем, ищем в разных направлениях, но пока это всё на уровне экспериментов... Слышали может, вот, недавно писали, что на востоке США вместе с дождём с неба падали куски мяса? В Англии белые лягушки завалили Бирмингем, а в Испании...

– Климатическое оружие? – состроив гримасу, перебил майор. – Можете не отвечать, если что.

– Да что вы, какое оружие? Я химик.

– Я понял. А вот на человека. На человека можно воздействовать так, чтобы он... Знаете, вот, я смотрел фильм один американский – «Робот-полицейский» называется... Нам такие очень нужны.

– Ну, вмешательство в химический состав тела человека с целью его полной трансформации теоретически возможен, не нарушая функционирования сознания, но такие действия запрещены международным...

– Понял! – Снова перебил начальник профессора. – Я вас услышал. Значит возможно.

Пещерский почувствовал себя неуютно и решил перевести тему:

– Товарищ майор, а можно мне спросить?.

– Пожалуйста.

– Там, в клетке, остался один человек

– Масамунэ?

– Как, простите? – Профессор наклонился через стол.

– Масамунэ. Японец.

– А он что, правда, из Японии?

– А хрен его знает! Документов нет. Говорит, что украли, а заодно и ключ для перемещений во времени.

У Пещерского глаза полезли на лоб.

– Какой ключ?

– Для перемещений. Во времени. – Лицо майора казалось высеченным из стали. Похоже шутить он не умел. – Мы его подобрали месяц назад. Шлялся тут по району. Грязный весь, оборванный. Думали, что нелегал. Забрали, а он нам и рассказал, что является путешественников во времени, только его тут похоже обокрали... Ну, чего с ним делать? Ясно, что мутный тип и с головой, похоже, тоже не в порядке. Депортировать? А куда? Адреса нет. Только фамилия. В общем, давай спрашивать. А дальше – веселее. Он, как оказывается, прибыл из Тауреды.

– От куда? – Пещерский терял связь с реальностью.

– Тауредя. Страна такая. Только нет её. Вот, в чем приколы. Нет на карте. Но фамилию он нам назвал зато и по запросу ФСМ нашлась такая. Японская оказалась. Да и на рожу его посмотрите...

– Странно все это, – покачал головой Пещерский, – странно и интересно.

– Ничего тут странного нет, профессор, – произнес майор и встал. Подошёл к небольшому сейфу, встроенному в стеллаж шкафа и, достав ключи, начал его открывать. – Мы запрос в посольство сделали. Ждём. Пока тишина. По каналам пробили. Те говорят, что с шизиками не работают, так что, давайте сами... Ну, а мы следим пока. А что – временную регистрацию оформили этому чудику, на работу устроили, в хостел заселили. Моё мнение такое – ёбнутый! Но с другой стороны – японец. Может и действительно в беду попал,

приехал, обокрали, по голове дали, вот кукушка и поехала. Короче, ждём...

Начальник достал два стакана, початую бутылку коньяка и поставил все на стол. Затем, не спрашивая, разлил алкоголь и снова уселся в свое кресло.

– У вас юбилей, вы говорили? – майор взялся за стакан.

– Да, спасибо, – Пещерский тоже взял, пригубил и поставил обратно. – А вы сказали, что первый раз его месяц назад нашли. А что потом? Сейчас он чего в клетке-то?

– Я же говорю, он ёбнутый! Пристрастился с местными мигрантами ходить на «Стрелку». Уличные бои такие. Собирается всякая шалупень и морды друг другу бьют. Нам-то что! Главное, чтобы без членовредительства. Ну, прилетает этому иногда. Кличку получил. Зовут его там «Самурай». – Майор осклабился. Послышался странный гул, будто к зданию полицейского участка приближается танк.

– О, это, наверное, за вами! – воскликнул начальник СКМ и прислушался.

Пещерскому показалось, что пол и стены кабинета, в котором они сидели, мелко завибрировали. Гул стал перерастать в низкие завывания и в тот же момент комната зашаталась. Из коридора слышались крики, выстрелы и быстрые шаги. Кто-то побежал.

– Что происходит? – полицейский выпрыгнул из кресла и бросился к двери. Профессор последовал за ним. Не успел майор выбежать в коридор, как его тут же сбила с ног нежи-

данная, похожая на ураган, волна воздуха. Смешанная с дымом и пылью, её поток сопровождался чьим-то утробным и страшным рыком. Начальник СКМ отлетел куда-то к стене, откуда послышался его дикий вопль и ругательства. У Ильи Евгеньевича от страха подогнулись колени, он присел и, схватившись за дверной косяк, выглянул в коридор.

Там творился абсолютный хаос – всё было в дыму; стулья, которые стояли ровным рядом вдоль стены, теперь, раскиданные тут и там, лежали поломанные, а некоторые даже горели. Стены ходили ходуном, а двери соседних кабинетов хлопали сами по себе. В нос ударил резкий запах серы, от чего химик прищурил глаза и закрыл ладонями переносицу.

Потом он снова услышал звериный рык, за которым последовал страшный металлический скрежет и треск дерева. И тут, Илья увидел источник всего этого. Из развороченной клетки для предварительного содержания задержанных в коридор выбрался самый настоящий динозавр, хотя на самом деле он напоминал дракона. Таких он видел только в сказках.

Дракон открыл свою зубастую пасть и вновь зарычал. Место, где раньше был вход в участок, теперь выглядело так, словно туда попала бомба. Вместо двери зияла огромная, с изломанными краями дыра. Прямо на профессора, с ужасом в глазах, бежал чёрный инопланетянин. Илья Евгеньевич присел, и в этот момент по коридору прокатилась ещё одна ураганная волна. Потом дракон повернулся, мигнув своим единственным глазом и направился к бреше в стене здания.

Оказавшись на улице, он раскрыл свои перепончатые крылья и, оттолкнувшись мощными лапами, взмыл в небо.

Илья Евгеньевич сел на пол и закрыл глаза. Его трясло от страха. В кармане звонил телефон.

– Илья Евгеньевич, это вы? – в трубке звучал тревожный голос его ученика из секретной лаборатории при Московском университете тонких химических технологий.

– Валера, то случилось?

– Слава Богу! Вы ещё не попробовали шоколад?

– Валера! – Старший научный сотрудник и руководитель лаборатории был не в силах злиться.

– Илья Евгеньевич, простите нас, но, кажется, Игорь перепутал наш экспериментальный шоколад с подарком! Вы его ещё не попробовали?

– Валера, я вас убью! – Из трубки послышалось сопение. – Валера, – устало произнес профессор, – у нас случайно нигде не завалялся ключ?

– Какой ключ, Илья Евгеньевич?

– Для перемещения во времени, – ответил он и отключил телефон.